

Т.В. Панич

Институт истории СО РАН, Новосибирск

**Жанр духовного завещания во второй половине XVII в.
(завещания патриархов Иоакима и Адриана
и воронежского епископа Митрофана)***

Аннотация: В статье анализируются духовные завещания церковных иерархов второй половины XVII в.: двух последних патриархов досинодального периода Иоакима и Адриана и воронежского епископа Митрофана. Устанавливаются текстуальные связи между сочинениями, выявляется их литературная специфика, своеобразие и характер жанровых изменений в культурно-исторических условиях «переходного» периода.

In the article, testaments of church hierarchs of the second half of XVII century are analyzed, particularly of the two last patriarchs pre-synodal period Joachim and Adrian and of the bishop of Voronezh Mitrophan. Textual connections between the writings and the literary specifics and the character of genre alterations in the cultural and historic conditions of «period of transition» are determined.

Ключевые слова: духовные завещания церковных иерархов, литературная специфика, религиозно-нравственные аспекты, образы и мотивы, развитие жанра.

Testaments of church hierarchs, literary specifics, religiously-moral aspects, images and motives, genre development.

УДК: 821.161.1.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИИ СО РАН, сектор археографии и источниковедения. Тел. (383) 3303671. E-mail: istochnik@history.nsc.ru.

Жанр духовного завещания (духовной грамоты), совмещающий в себе документальное и литературное содержание, имеет длительную традицию в древнерусской письменной культуре. Интерес к нему в научной литературе усилился во второй половине XX в. Появился ряд работ, посвященных исследованию некоторых аспектов жанра и отдельных духовных завещаний [Лилиенфельд, 1962, с. 80–98; Демкова, 1983, с. 23–24; 1999, с. 342–356; Поньрко, 1985, с. 379–387; Исаченко, 1994, с. 171–179; Морковина, 2003, с. 3–31; 2005¹ и др.]. Однако многие вопросы, связанные с этим жанром, остаются нерешенными.

Одной из особенностей жанра духовного завещания является разнообразие его типов. Ф. Лилиенфельд разделила их на четыре группы: духовные грамоты светских лиц, духовные грамоты царей, духовные грамоты митрополитов и ду-

---

* Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект № 33.4.1: «Отражение национальной культурной традиции в текстах письменных источников по истории России XVI–XX вв.».

¹ Данная работа О.В. Морковиной представляет автореферат ее кандидатской диссертации, выполненной под руководством члена-корреспондента РАН Е.К. Ромодановской, где впервые на большом материале исследовалась проблема взаимоотношений литературы и деловой письменности в жанре завещания, намечены пути его дальнейшего изучения.

ховные грамоты игуменов и основателей монастырей [Лиленфельд, 1962, с. 95]. Для нашей темы интерес представляет третья группа из этой классификации («духовные грамоты митрополитов»), получившая позднее более точное определение: «духовные завещания церковных иерархов» (термин предложен Н.В. Понырком), куда примыкают и сочинения в этом жанре старообрядческих наставников [Понырко, 1985, с. 380]¹.

Этот тип завещаний определяет дидактическое наполнение текста. В духовных завещаниях церковных иерархов, как правило, ярко выражен нравственно-религиозный учительный аспект, подоплекой которого является нравственная обязанность церковного пастыря позаботиться о своих духовных чадах. Иерархи Церкви в преддверии смерти оставляют им свое прощение и систему наказов и правил относительно церковной и общественной жизни, поучают и призывают к исполнению евангельских заповедей и хранению православной веры². Помимо ярко выраженной исповедальности, традиционно присущей духовным завещаниям, в размышлениях завещателей отчетливо звучат темы бренности земного бытия, смерти и посмертной участи, Страшного суда, покаяния и прощения. В связи с этим нередки обращения составителей завещаний к агиографической топике, библейским мотивам и образам, святоотеческим сочинениям, что усиливает литературную составляющую текста, а содержание его деловой части (имущественные и хозяйственные распоряжения) уходит на второй план. Следует отметить, что религиозно-нравственная тематика присуща жанру монашеского завещания в широком значении, включая завещания монастырских игуменов и иноков.

Во второй половине XVII в. с нарастанием процесса секуляризации деловые жанры получают все более самостоятельное значение, некоторые из них, напротив, приобретают литературные функции [Лихачев, 1973, с. 140]. Жанр духовного завещания испытывает изменения, которые отличают всю литературу «переходного» периода, усиливается его влияние на другие жанры³, «канонический тип духовной грамоты преобразуется» [Демкова, 1983, с. 24].

Характер и степень влияния на духовные завещания церковных иерархов изменений, происходивших в литературе во второй половине XVII в., можно проследить на материале завещаний патриархов Иоакима и Адриана и епископа Митрофана Воронежского. Все они были современниками, единомышленниками, часто общались по церковным делам. Рассмотрение этих сочинений представляет интерес еще и потому, что они имеют между собой текстуальные связи: завещания патриарха Адриана и епископа Митрофана текстуально зависимы от Завещания патриарха Иоакима, которое было написано по времени первым.

---

¹ Например, в Выговской пустыни этот тип древнерусского духовного завещания продолжал использоваться и развиваться в XVIII и XIX вв., начиная с Завещания Петра Прокопьева. Об этом см.: [Гурьянова, 1996, с. 181–195].

² Не случайно духовное завещание могло органично встраиваться в структуру жития в качестве одной из его составных частей. См., например, жития: митрополита Киприана [Степенная книга, 2008, с. 108–112]; митрополита Фотия [Степенная книга, 2008, с. 152–169]; игумена Кирилла Белозерского [Житие Кирилла, 1999, с. 132–217]; патриарха Иоакима [Житие и завещание, 1879, с. 102–139; Панич, 2010, с. 84–93]. Возникновение такой практики было обусловлено самой композиционной спецификой жития, ведь по своему содержанию составленная перед смертью духовная грамота соответствовала традиционному элементу агиографической схемы – предсмертному прощанию и завещанию святого, представляя его в развернутом виде. Присоединенная к житию духовная грамота в этом случае становилась документальным свидетельством последней воли святого [Панич, Житие, 2011, с. 52].

³ Например, Духовное завещание протопопа Аввакума стало основой его Жития [Понырко, 1985, с. 379–387].

Патриарх Иоаким продиктовал (скорее всего, поручил написать) свое Завещание в марте 1690 года, за несколько дней до смерти (он скончался 17 марта)¹. Свидетель последних дней жизни и кончины патриарха архимандрит Новоспасского монастыря Игнатий (Римский-Корсаков), будущий Сибирский митрополит, так рассказывал об этом Афанасию Холмогорскому в своем послании²: «Всесвятейший Иоаким патриарх изнемогающе позна себе, яко не точию по болезни, но и по старости, яко близ день скончания его, призывает во извещение православия своего исповедь его послушающаго пречестнаго господина отца Пахомия, игумена Пречистыя обители Стретнскаго монастыря. И все, еже име в помысле своем, возвести ему. И от него с Богом святым, яко от духовнаго своего отца, приемлет совет, да якоже известил ему таинственно, сице и явственно чадом своим предложит сице писание – исповедание и последняго гласа завет, сииречь грамоту духовную»³.

Духовное завещание Митрофана Воронежского появилось несколькими годами позднее. М.Д. Каган предположительно называла дату 1698 – начало 1699 г. [Каган, 1993, с. 355]. Однако имеющееся в тексте упоминание возраста Митрофана опровергает это. Здесь пишется, что на момент составления Завещания ему было семьдесят лет («и доидох судбами Божиими состарения лет ныне седмидесяти») [Национальная библиотека, л. 2 об.–3], а родился он в 1623 г. Таким образом, Завещание, вероятно, появилось в 1693 г. Правда, нельзя исключать того, что указание на семидесятилетний возраст епископа появилось в тексте в результате механического копирования соответствующего фрагмента из Завещания патриарха Иоакима: в этом месте оба текста практически совпадают.

Духовное завещание патриарха Адриана датируется 1697 г. Оно было написано за три года до его смерти секретарем патриарха Карионом Истоминым [Браиловский, 1902, с. 91].

В завещаниях Митрофана Воронежского и патриарха Адриана есть прямые заимствования из Духовной грамоты патриарха Иоакима. Так, например, в Духовном завещании епископа Митрофана содержится почти дословная выписка из Завещания патриарха Иоакима, где говорится о нетерпимом отношении к иноверцам и о том, что они не должны быть воинскими начальниками. Рассуждение в обоих случаях отличаются полемически заостренные, эмоционально окрашенные, резкие выпады в адрес представителей иных конфессий: «богомерзских» врагов православия, «еретиков и злобозжников». Дословно переписано здесь также начало Иоакимова Завещания. Своеобразную вариацию соответствующего фрагмента исходного текста представляет и просьба епископа Митрофана о месте своего захоронения и о погребении в простом монашеском одеянии. При этом делается отсылка к Духовному завещанию Иоакима: «якоже по образу и по завещанию отца нашего, архипастыря святейшего, кир Иоакима патриарха Московскаго и всея России; он заповеда о себе, а нам образ предал» [Национальная библиотека, л. 26].

Можно отметить и многие другие текстуальные и тематические переклички и совпадения в обоих сочинениях. Вместе с тем Духовное завещание Митрофана Воронежского имеет свою специфику, отличается своеобразием стиля и содержа-

---

¹ Оригинал Завещания с собственноручной подписью патриарха Иоакима сохранился в рукописи конца XVII в. из Синодального собрания ГИМ (№ 422, л. 18–30). В рукописи содержится также Духовное завещание патриарха Адриана (л. 2–16). Рукопись описана: [Описание рукописей Синодального собрания, 1970, с. 1–2].

² Послание, как и Духовное завещание патриарха Иоакима, входит в состав его Жития. Архимандрит Игнатий, используя этикетные житийные мотивы и образы, описывает в послании уход из жизни патриарха как благочестивую кончину святого. См. об этом: [Панич, Послание, 2011].

³ Цит. по: [РГБ, собрание И.Д. Беляева, № 29/1535, л. 32 об.–33].

ния. Этикетное для композиционной структуры духовного завещания церковных иерархов обращение к духовенству подведомственной территории здесь представляет самый большой по объему раздел, содержание которого специально адресовано монашеству и священству Воронежской епархии [Национальная библиотека, л. 4–14 об.]. Текст составлен в традициях древнерусского поучения с использованием приемов средневековой литературы с ее традиционными мотивами и образами, цитатами из Священного Писания и сочинений патристики, в частности, Иоанна Златоуста. В своем поучении святитель Митрофан¹ предостерегает монашество и священнический чин от пагубных страстей, лености, пьянства, сквернословия, призывает любить божественное Писание («Писаний бо прочитание небесам есть отвержение»), неуклонно соблюдать церковные чины и каноны, проявлять всяческую заботу о своей душе и подопечном духовном стаде, чтобы на Страшном суде «слово воздати о стаде своем». Столь пристальное внимание святителя Митрофана к этой теме в его Завещании, очевидно, было мотивировано реальными проблемами в церковной жизни Воронежской епархии.

Завещание патриарха Адриана тоже содержит текстуальные заимствования из Завещания патриарха Иоакима, и тоже отличается от него стилистически и по содержанию. Например, здесь не нашел отражения пассаж Иоакима с его резкими обличениями «лютеров» и «кальвинов» и рекомендациями об организации войска, где полковыми начальниками не могут быть «злбожные» иноверцы. Будучи убежденным последователем и единомышленником патриарха Иоакима в вопросе об отношении к иноверцам, здесь Адриан специально не акцентировал внимание на этой проблеме, так как вынужден был, по-видимому, учитывать политические реалии петровского царствования накануне реформ². Однако в заключении Завещания он наказывает царю хранить православную веру и защищать Церковь от еретиков.

С одной стороны, Завещание Адриана в отличие от Завещания Иоакима более краткое и формальное в части конкретных распоряжений (они, как здесь оговорено, прилагаются в отдельной росписи), а с другой стороны, более пространное и «художественное» в той части, где патриарх делится размышлениями о быстротечной жизни, неминуемой смерти, расплате за грехи и т.д. Повествование пронизано скорбными нотами, насыщено соответствующими душевному состоянию патриарха³ цитатами из Священного Писания. Приведу небольшой фрагмент этого текста: «Целостию же ума моего созерцаваю распружество скорое души и телесе моего, яко состарехся, и часы приидоша к нисхождению должныя смерти, яко святыи апостол Петр благовествует: “Всяка плоть яко трава и всяка слава человека, яко цвет травный, исше трава и цвет ея отпаде”⁴. По гласу же царствующаго пророка: “Дние его яко цвет селный, тако оцветет, яко дух пройде в нем, и не будет, и не познает к тому места своего, изыдет бо дух его, и возвратится в землю свою, в той день погибнут вся помышления его”⁵. Ибо смерть не трубит, егда губит... Яко и Екклисиаст поучаше: “Поминай последняя твоя и во веки не согрешаши”⁶. Последняя же суть четыре вещи: смерть, Суд, геенна, Царство небесное. Сие убо поминая, сладость стягается и любовь простирается ко Господу

---

¹ Митрофан был канонизирован в XIX в., тогда же было написано его Житие [Каган, 1993, с. 355].

² Об этом, например, свидетельствует изъятие патриархом Адрианом из «архиерейского обещания» статьи о необщении с иноверцами (об этом см.: [Живов, 2004, с. 21]).

³ В это время патриарх тяжело болел (последние годы жизни он был практически прикован к постели).

⁴ См.: 1Пет 1: 24.

⁵ Фрагмент представляет контаминацию из нескольких перефразированных библейских цитат (см.: Пс 102: 15; Ис 5: 24; Ис 40: 6–7; 4Цар 19: 7; Екк 12: 7).

⁶ См.: Сир 7: 39. Вероятно, автор цитировал ветхозаветный текст по памяти, поэтому неверно указал источник.

Богу. Овых же лютость воничтожается присным смерти в памяти содержанием, зане не может той в гресех выну пребывати и не преуспевати в добродетельном житии, иже видит выну смертную косу, на ся изошрену. Смерть вся косою млада и стара, богата и убога, царя и князя, благородна и поселянина... люте посекает, во гробы посылает темныя, и земля в землю загребається...»¹.

Содержание и стилистика текста отражают мировосприятие, близкое культуре барокко. Повествование окрашено в медитативные тона, традиционные темы (смерти, суетности и призрачности земного бытия, грядущего Страшного суда, загробной жизни, посмертной судьбы человека) приобретают здесь особо острое звучание. Автор специально акцентирует на них внимание, нагнетает соответствующее настроение, используя целый массив цитат и парафраз библейского текста, выстраивая образ на основе контаминации фрагментов из разных источников. Он умело использует рифму, эмоционально окрашенные восклицания, подбор которых создает особый речевой ритм, усиливающий впечатление от душевных переживаний патриарха. Например: «И в таковом страхе никогда же бых в богоугодном гласе, леностию содержахся и упокоявахся сладострастиями, и во гробех мертвыя несомы и где либо лежаща бездыханна видех, себе мнех смерти быти далече. Но кои дни претекоша во гресех своих и в неисправлении жизни, возвратити невозможно. Якоже пишет: “Не возвратится вода, яже уплынула, ниже жизнь наша, яже преминула”...»².

В этих размышлениях отчетливо выражено дидактическое начало. В основе творческой стратегии составителя Завещания лежит желание от имени патриарха Адриана научить помнить о неминуемой смерти и будущем Суде, предостеречь от греха, призвать к благочестию. Здесь, несомненно, проявилось литературное дарование Кариона Истомина, занимавшего после гибели Сильвестра Медведева «положение первого поэта» при царском дворе [Сазонова, 2006, с. 73]. Составитель Завещания сумел также очень точно с помощью литературных средств отразить личностные особенности Адриана: он всегда оценивался исследователями как меланхолический, нерешительный человек, который «в своей деятельности на патриаршей кафедре не проявил самостоятельности и в большинстве случаев продолжал дела своего предшественника» [Браиловский, 1902, с. 87].

Все три завещания содержат автобиографический материал, что является одним из характерных признаков этого жанра [Понырко, 1982, с. 386–387]. В них использованы и некоторые этикетные формулы житийного канона («благочестивые родители» и «благочестивое воспитание»); прослеживаются и такие важные агиографические мотивы (закрепленные в традиции святительского жития) как учительство, забота о вдовах и сиротах, щедрая милостыня, церковное строительство. Особенно ярко эти мотивы проявились в Духовном завещании патриарха Иоакима. В нем он предстает как выдающийся церковный деятель, неутомимый борец с иноземным влиянием, защитник православия, даже на пороге смерти пекущийся о «целости» и «лепоте» государства и «правосудии в делах гражданских», остро переживающий за будущее русской Церкви. Поэтому, вероятно, его Духовное завещание было использовано в качестве образца при составлении завещаний патриарха Адриана и Митрофана Воронежского.

Содержание и стилистический строй каждого из завещаний отражает разную степень начитанности и литературного дарования авторов, работавших над их составлением, хотя все тексты отмечены признаками ораторского произведения. В них широко используются экспрессивные обороты речи, риторические восклицания, афоризмы и образы Священного Писания, ритмизация текста и другие

---

¹ Цит. по списку: [ГИМ, Синодальное собрание, № 422, л. 3–4 об.].

² Там же, л. 5.

приемы, усиливающие эмоциональное воздействие на читателей и слушателей¹. В большей мере это относится к завещаниям епископа Митрофана и патриарха Адриана. Их литературная составляющая получила видимое развитие, особенно ярко смещение акцента на литературное начало текста проявилось в Завещании патриарха Адриана, где оно сильно доминирует над деловой частью.

Таким образом, духовные завещания церковных иерархов во второй половине XVII в. в целом сохраняют свою традиционную форму, хотя и в пределах этой группы содержательное наполнение жанровой структуры варьируется, происходит определенное развитие жанра. Это показывает, что жанр духовного завещания продолжает функционировать и развиваться, подчиняясь общим закономерностям литературного процесса «переходного» периода.

Литература

Браиловский С.Н. Один из пестрых XVII-го столетия. СПб., 1902.

Гурьянова Н.С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII в. Новосибирск, 1996.

ГИМ, Синодальное собрание, № 422.

Демкова Н.С. Жанр «духовных грамот» и развитие автобиографического повествования в литературе «переходного периода» (вторая половина XVII – начало XVIII вв.) // Проблемы литературных жанров. Материалы четвертой научной межвузовской конференции 28 сентября – 1 октября 1982 года. Томск, 1983. С. 23–24.

Демкова Н.С. Духовная грамота волоколамского книжника XVI в. Евфимия Туркова // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 342–356.

Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: исследования и материалы. М., 2004.

Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима / Изд. Н.П. Барсукова. СПб., 1879 (Изд. ОЛДП. Вып. 47).

Житие Кирилла Белозерского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7 (Вторая половина XV века). СПб., 1999. С. 132–217.

Исаченко Т.А. «Духовное завещание» и другие малоизвестные документы Евфимия Чудовского // Книга. Исследования и материалы. М., 1994. Сборник 69. С. 171–179.

Каган М.Д. Митрофан // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 354–357.

Лилиенфельд Ф. О литературном жанре некоторых сочинений Нила Сорского // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 80–98.

Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков: эпохи и стили. Л., 1973.

Морковина О.В. К вопросу о взаимоотношении древнерусской литературы и деловой письменности. Жанр завещания // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX. Новосибирск, 2003. С. 3–31.

Морковина О.В. Проблема взаимоотношения литературы и деловой письменности в традиции древнерусского завещания: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.

Национальная библиотека республики Карелия, № 36552. Рукопись середины XIX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://library.karelia.ru/cgi-bin/library/duh.cgi> (дата обращения: 04.01.2012).

---

¹ Согласно установившейся традиции, восходящей ко времени митрополита Киприана, духовные грамоты предстоятелей Церкви читались вслух при их погребении.

Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева) / Сост. Т.Н. Протасьева. Ч. I. М., 1970.

Панич Т.В. Житие патриарха Иоакима (вопросы атрибуции, истории текста и литературной специфики памятника) // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. Новосибирск, 2010. С. 41–94.

Панич Т.В. Житие патриарха Иоакима: особенности композиции (к вопросу о специфике агиографического жанра в XVII в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 50–53.

Панич Т.В. Послание Игнатия Римского-Корсакова Афанасию Холмогорскому о смерти патриарха Иоакима (автор как рассказчик и участник описываемых событий) // Сибирь на перекрестье мировых религий. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Новосибирск, 2011. С. 121–127.

Поньрко Н.В. Житие протопопа Аввакума как духовное завещание // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 379–387.

РГБ, собрание И.Д. Беляева, № 29/1535.

Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарий: В 3 т. / Изд. подг. под рук. акад. Н.Н. Покровского. Т. 2. М., 2008.